

УДК 004.82/81/811.133.1

ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СХЕМАТИЗАЦИЯ ОДНОГО ЯВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ)

Г.В. Беликова

*Кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры романских языков имени
В.Г. Гака Института иностранных языков
e-mail: gv.belikova@mpgu.su*

Московский педагогический государственный университет

Обсуждается вопрос описания и объяснения значения языковых единиц, отражающих альтернативную схематизацию одного и того же явления действительности. Различная концептуализация эмпирического феномена демонстрируется на примере общеизвестных фразеологизмов, организация значения которых рассматривается с позиций когнитивной семантики с привлечением метода фреймового анализа языковых значений. Формирование понятия и, соответственно, семантики языковых единиц его обозначающих, трактуется в традиции феноменологии Э. Гуссерля и в терминах кантовского схематизма: в процессе ноэтически-ноэматического интенционального акта сознания осуществляется синтез эмпирического феномена и категории мышления – феномен опыта подводится под понятие, что и составляет существо процесса концептуализации явления действительности. На избранных примерах проиллюстрировано, как содержание опыта человека кодируется в языке посредством лексико-грамматического материала, предоставляемого данным языком. В ходе фреймового анализа исследуются механизмы отношения взаимодействия «значение-фрейм» и динамики формирования «конкурирующих» значений языковых единиц, обозначающих один и тот же факт действительности. Показано, что в коммуникативном контексте рассматриваемые языковые единицы активируют в сознании реципиента соответствующие им элементы когнитивных структур знаний – фреймов интерпретации, лежащих в основе их значения. В итоге обоснована результативность использования метода фреймовой семантики для объяснения организации значения языковых единиц и, в конечном счете, понимания неоднозначных языковых выражений.

***Ключевые слова:** языковое значение, энциклопедическое знание, фрейм интерпретации, концепт, альтернативная схематизация, фреймовая семантика.*

Введение.

Языковая семантика и когнитивные модели.

Исследование языкового инструментария мышления человека, способного по-разному видеть и понимать одну и ту же «сцену» [Филлмор 1983: 111] реального мира, не утрачивает своего значения: в эпоху сменяющихся друг друга социальных парадигм важно понимать динамику изменений концептосферы человека, доступ к которой открывает его язык и речь. Исследования семантики языковых единиц в парадигме

когнитивной семасиологии проводится относительно ментальных моделей, лежащих в основе языковых значений. Так, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что между семантическим пространством языка и «внутренним лексиконом» существует определенная аналогия, именно поэтому мы можем устанавливать корреляции между «структурами сознания или структурами знания и объективирующими их языковыми формами» [Кубрякова 2004: 56-59]; Чарльз Филлмор, адаптируя понятие фрейма к семантике языка, рассматривает ту или иную группу семантически связанных языковых единиц в качестве лексического «представителя» некоторой «единой схематизации опыта или некоторого знания», поскольку, по словам ученого, данные лексемы «удерживаются» в этой группе, «мотивируются, определяются и взаимно структурируются» соответствующим фреймом интерпретации – ментальной структурой, представляющей «концептуальный базис знания и практики, стоящий за этой областью словаря» [Филлмор 1988: 54]; Роналд Уэйн Лэнекер трактует семантическую структуру слова как акт концептуализации «любого (природного, лингвистического, социального, культурного) аспекта человеческого опыта», что, следовательно, обуславливает зависимость значения слова от связанных между собой когнитивных областей, которые, в свою очередь, «вызываются в сознании языковым выражением» [Лэнекер 2006: 15-16]. Содержание когнитивных областей кодируется в процессе интериоризации в символических знаковых системах и, прежде всего, в национальном языке. Такое фактически «присвоение» мира человеком может быть представлено как функция взаимодействия элементов триады «имя – значение – смысл», отражающей установленную в акте концептуализации связь между языковым знаком, обозначаемым предметом и его ментальным образом. Этот образ – мысленное отображение референта слова – понимается нами не как чувственный репродуктивный образ, но с позиций кантовской теории трансцендентальной схемы [Кант 2015]: это интеллектуально-чувственное посредствующее представление об эмпирическом факте, подводимом под понятие, которое генерирует образ данного предмета опыта сообразно общей схеме понятия.

Значение, смысл, концепт.

Значение слова принадлежит, как известно, языку, оно системно и надындивидуально, тогда как его смысл всегда индивидуален, хронотопически и психологически опосредован, и является частью «системы мнений» носителя языка [Павиленис 1983: 240]. Смысл принадлежит личной концептосфере индивида, которая обуславливает не только и не столько языковое знание, значение имени, сколько представления индивида о предмете знакообозначения, т.е. все то психокультурное знание, которое индивид связывает с данным именем в процессе предикации. Следовательно (не упрощая тем не менее

многоплановость отношения «значение – смысл»), можно полагать, что значение так соотносимо с языком и словом, как смысл с речью и концептом – когнитивной динамической структурой, аккумулирующей значимую для жизнедеятельности человека и общества информацию в ее языковом, энциклопедическом и ценностно-смысловом измерениях. Отметим в этой связи, что введение Пьером Абеляром термина «концепт» в средневековую философию разделило, как отмечает С.С. Неретина, «прежде единое Слово» на язык и речь: для П. Абеляра концепт есть «высказывающая речь», т.е. «акты схватывания» вещи в уме, «концепция» объективируется в высказанной речи, которая воспринимается как «концепт в душе слушателя» [Неретина 1999: 29-30]. Показательно, что философ проводил различие между терминами «понятие» – форма «схватывания» смысла рассудком, и «концепт», который, включая в себя рассудок, творчески воспроизводит и «собирает смыслы и помыслы» как универсальную связь эмпирических феноменов и речи [там же]. Подобную трактовку сущности понятия «концепт» находим и в Новое время. Так, например, С.А. Аскольдов-Алексеев называет концептом «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1928: 31], а в понимании Анны Вежбицкой, концепт – это ментальное образование, «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительное» [Телия 1996: 97]).

В современной лингвистике существуют различные определения концепта, некоторые из них трактуют этот ментальный конструкт в призме отношения «смысл – значение». При этом в одних дефинициях концепт отождествляется со смыслом – концепт это «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму...» [Воркачев 2003], в других, наоборот, смысл есть производное концепта – «... смысл же детерминирован концептом, представляющим собой социально обусловленное представление (обыденное понятие) об этом денотате» [Алефиренко 2013: 12]. И хотя автору, заметим, ближе вторая позиция, представляется все же, что соотношение «смысл – значение» не есть, строго говоря, отношение антиномии. Действительно, отрефлектированные концепты овнешняются посредством слов, «принадлежащих» всем, тогда как авторская семантическая инновация и ее окказиональные значения, порождаемые «высказывающей речью», накладываются, так или иначе, на языковое (словарное) значение данного слова: «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»

[Лихачев 1997:151]. Исходя из этого, смысл слова в речевом построении есть производное от такой взаимопроекции языкового и психокультурного знания, т.е. актуализации значения слова в призме идеосферы человека, при которой концептуальные конститuentы замещают и выражают «алгебраически» [Лихачев 1997: 150] языковое значение. Закономерность данного суждения легко проследить на примерах предикации в специфических нарративах (художественный, фольклорный и в целом косвенно-производная номинация), где смысловое значение прямого (описательного) номината может оказаться противоположным его языковому значению (два умных брата оказываются болванами, а третий, дурак, – сообразительным смельчаком), а косвенная референция (*аист, перепутавший капусту; крестоносцы экологии; космический камень преткновения*) мгновенно осознается, несмотря на логическую нелепость предикации. Очевидно, что установление значений языковых единиц в подобных контекстах, как и содержания языкового выражения в целом, опирается на понятийные структуры, не принадлежащие языку, но в нем отражаемые различными языковыми средствами и способами. Такие понятийные структуры Ч. Филлмор, как отмечалось выше, называет фреймами (фреймами интерпретации), или концептуальными структурами-схемами, а Р.У. Лэнекер – когнитивными областями и (если это не базовые когнитивные области) концептами. Эти ментальные структуры могут быть также описаны в таких терминах, как идеальный образ, ментальное пространство, глобальная модель, когнитивная модель, сценарий, пропозиция и т.д. (см., например, [Поляков 2017]), которые отсылают к представлению о когнитивных структурах знаний человека как первооснове понимания языка: «мы можем беседовать о некотором опыте, если мы можем приписать ему схему и если мы знаем языковой фрейм, подходящий к этой схеме» [Филлмор 1983: 111]. Наиболее генерализованными номинатами данных понятий являются концепт/концептуальные структуры и фрейм, которые используются для экспликации непосредственной связи между лингвистическим означением и ментальными структурами знаний человека о той или иной предметной области.

Концепт и фрейм: к вопросу синонимии понятий.

Термины фрейм и концепт феноменологически близки, но не тождественны: оба номината обозначают ментальные образования невербальной природы, отражающие хранящиеся в памяти человека различные типы знаний о «сценах» (в понимании Ч. Филлмора [1983:110]) реального мира. Однако, если концепт – это целостное и бесконечно вариативное ментальное образование, в котором сплетаются рациональное и чувственное, коллективное и индивидуальное, национальное и универсальное, понятийное и ассоциативное может не иметь лексического

представителя и никогда «не может быть выражен в речи полностью» [Попова 2000: 28], то фрейм трактуется как когнитивная структура, «обеспеченная» лексико-грамматическим материалом, «которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруженных в схемах» [Филлмор 1983: 110]. Основное отличие фрейма от концепта заключается в принципиально двухмерном, когнитивно-вербальном измерении фрейма. Как когнитивная сущность фрейм – это сформировавшаяся ментальная структура знаний о *типичном* для данного социума, «набор» всегда верных и возможных «данных о стереотипных ситуациях» [Минский 1979: 2]. В этом смысле фрейм близок понятию прототипического образца и является инструментом «быстродействия мышления» [там же] и понимания определенного предметного/ событийного явления окружающей реальности. В то же время фрейм есть феномен лингвальный. Действительно, поскольку фрейм, как когнитивная модель, организует и фиксирует в памяти человека «минимально необходимую структурированную информацию, которая однозначно определяет данный класс объектов [...] относит объект к тому классу, который им (фреймом) определяется» [Минский 1979: 1], следовательно, фрейм позволяет *поименовать* те «сцены», которые соотносятся с данным классом ситуаций. Таким образом, если концепт не всегда полностью «покрывается» языком, то фрейм по определению обеспечен лексико-грамматическим инструментарием, поскольку отражает типичное знание о предметной области.

Разграничение понятий концепта и фрейма в данной работе имеет не эпистемологическую, а теоретико-методологическую целесообразность. В этом плане, лучший, на наш взгляд, «компромисс» для определения отношения «концепт – фрейм» предложен В.Н. Телией: «концепт – это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96]. Таким образом, с учетом вышеизложенного можно заключить, что отраженный в языке и структурированный в виде иерархии характерных понятий концепт правомерно именовать фреймом. Поскольку в заявленной теме данной работы речь идет о значениях языковых выражений, т.е. *вербализованных* и *овнешненных* таким образом миропредставлениях человека, мы будем в дальнейшем оперировать понятием фрейма (фрейма интерпретации). Для экспликации и пояснения динамики формирования «конкурирующих» значений языковых единиц, обозначающих один и тот же факт действительности, уточним наше понимание сущности фрейма как когнитивной структуры, в которой (коль скоро мы говорим о значении) предмет опыта взаимодействия человека с миром может быть приведен в

связь с микрокосмом человека, а значит должен обнаружить и получить свой смысл для познающего субъекта.

Фрейм как акт ноэзиса.

Принимая во внимание, что фрейм является феноменом сознания, было бы логично, с нашей точки зрения, интерпретировать это понятие с позиций феноменологии Эдмунда Гуссерля: фрейм, как представляется, является итогом интенционального акта смыслополагания (ноэзис), при котором трансцендентное «нечто» объекта (ноэмы) осмысливается и конституируется трансцендентальной субъективностью, приобретая свою конкретность. Вещный смысл, «ядро ноэмы», схематизируется в ноэзисе, «одушевляется» и обретает «свое бытие» [Гуссерль 2009: 87-95, 98-99]. Исходя из этого, фрейм предстает как имманентное сознанию бытие объекта, идентичное в многообразии его (объекта) трансцендентной данности. Не случайно, заметим, в различных трактовках фрейм именуется как идеальный образ, типичная/стандартная структура данных, модель знаний и т.д. [Беликова 2021: 48-54].

Следуя этой логике, а также учитывая лингвистический модус фрейма, мы будем трактовать фрейм понятия, объективированного в языке, как результат схематизации эмпирического факта, подведенного под это понятие, и, одновременно, как способ лингвистической экспликации стандартных знаний «за» вербальным репрезентантом этого понятия, поскольку именно эти знания и составляют базисный объем значения его номината. Иными словами, фреймовые структуры знаний, сформировавшиеся в ноэтически-ноэматическом акте, могут быть *записаны* в виде формализованной модели, представляющей ту основную, типическую информацию, которую мы ассоциируем с данной предметной областью. Эта фреймовая онтология описывает иерархически структурированные понятия и соответствующие им термины, релевантные для данной когнитивной области. Последняя в этом случае может быть названа концептом (макро/суперконцептом), поскольку тот или иной термин онтологии вызывает в сознании реципиента не только основные «наборы» знаний о его денотате, но и те, что обусловлены личным опытом реципиента, его «идеосферой» [Лихачев 1997: 151]. Не случайно под фреймом понимают не «аморфные», произвольно выделяемые «кусочки знания», но единицы, «организованные вокруг некоторого концепта», которые содержат «основную, типическую и потенциально возможную информацию», относимую к тому или иному концепту» [Дейк Ван 2000: 16-17]. Подобную организацию фреймовых структур знаний, а также их взаимосвязь с языком наблюдаем в повседневной коммуникации, когда типичное для концепта имя «включает» в сознании коммуникантов все, что связано с референтом этого имени и составляет определенный (для каждого коммуниканта) объем значения данного номината (*вы последний?*

– фрейм «очередь», *пересдача* – фрейм «экзамен», *пенальти* – фрейм «футбол», «*лишний билетик*» – фрейм «театр» т.п.). Такая активация понятийного фрейма посредством актуализации типичных номинатов его концептуального основания возможна именно потому, что данные термины вербализуют каноническое знание о предметной области, «отформатированное» и хранящееся в сознании коммуникантов.

Итак, говоря об интерпретации и понимании альтернативных схематизаций некоего факта действительности, мы используем понятие фрейма как когнитивной структуры знаний, всегда имеющей языковой коррелят – *языковые* фреймы (слова, словосочетания, выражения и пр.), являющиеся «центрами концентрированного представления знаний» [Минский 1979: 16] об установленном *отношении* между этим эмпирическим фактом и его именем.

Материалы и методы.

Оперирование понятием фрейм при описании лексического значения преследует цель показать специфику концептуализации факта опыта, собственно *схемы* [Кант 2015] подведения этого опыта под понятие, посредством которой понятие становится гомогенным данному эмпирическому факту, т.е. получает свое значение как отражение того, *что* представляется в подводимом под понятие эмпирическом факте. Используя метод фреймовой семантики, проанализируем на материале частотных узуальных фразеологизмов *filer à l'anglaise* («уйти по-английски») и *filer à la française* («уйти по-французски») механизмы формирования значений данных номинатов, отражающих противоположные толкования одного и того же явления, а также обоснуем правомерность и эффективность применения метода фреймового анализа при исследовании подобной контрастной схематизации феномена опыта.

«Уйти по-французски» означает «уйти по-английски».

Общеизвестные устойчивые выражения *filer à l'anglaise* («уйти по-английски») и *filer à la française/to take French leave* («уйти по-французски») описывают одну и ту же сцену и имеют одинаковое фразеологическое значение – «уйти не попрощавшись». Однако концептуализация этой сцены происходит по-разному, на что указывают различные обстоятельства действия *à l'anglaise/ à la française*. Эти лексические номинаты вербализуют альтернативные видения одного и того же исторического сценария и отражают контрастную схематизацию его содержания: значение выражения *filer à la française* активизирует знание о том, что во время Семилетней войны французские солдаты дезертировали с поля боя, что и послужило поводом для саркастичных замечаний английских военных «to take French leave» («уйти по-французски»), тогда как *filer à l'anglaise* представляет противоположный «метод» построения образа понятия и, соответственно, его противоположную схематизацию – это англичане, вечные соперники

французов, уходили с поля боя и самовольно покидали расположение частей. Очевидно, что значение данных выражений обусловлено единым фреймом интерпретации – историческим сценарием «Семилетняя война», в котором эти языковые знаки именуют его субфреймы, заполненные данными об одном и том же событии, увиденном с разных точек зрения. Внутренняя форма данных фразеологизмов, а также представленный ниже фреймовый анализ их значения, позволяет считать историческую версию происхождения этих языковых знаков вполне убедительной, хотя существуют и другие объяснения возникновения этих устойчивых выражений (см., например, [Romera 2012: 203-214]).

Различная перспективация (*à l'anglaise/ à la française*) одной и той же сцены является результатом ее противоположного толкования, что приводит к профилированию определенного объема ее содержания в организации значения этих языковых знаков. Все концептуальное содержание исторического сценария «Семилетняя война» является, несомненно, периферийным знанием, т.е. не указанным в словарной дефиниции фразеологизмов (если только в толковых словарях), но без этого энциклопедического знания, структурированного во фрейм с концептуальным основанием «Семилетняя война», было бы невозможно объяснить становление и развитие семантики данных образных знаков. Безусловно, значение «уйти не попрощавшись» является косвенно-производным, но уже на стадии фразеологизации этих выражений языкового знания (лексических значений компонентов этих языковых выражений) было недостаточно для понимания их смысла.

Своеобразие этих языковых знаков заключается в том, что они являются *соотносительными* аналитическими номинатами, т.е. означают одно и то же событие, к которому причастны как французы, так и англичане, но описывают его с противоположных позиций «наблюдателя»: образ действия «по-английски» или «по-французски» есть по сути одно и то же действие – дезертирство, нарушение установленных норм поведения, но его языковые экспоненты *filer à l'anglaise/ filer à la française* создают альтернативную атрибуцию. Для ее понимания необходимо знание реального (а не языкового) факта (исторической обстановки, поведения на поле боя, отношений между воюющими сторонами и пр.), поскольку номинаты этого факта *filer à l'anglaise/filer à la française* являются тем языковым способом, каким определенная часть знаний этого исторического сценария «свернута» в структуре их значения. Именно поэтому экспликация этого эмпирического факта проясняет смысл данных языковых знаков.

В рамках «энциклопедической семантики» [Лэнекер 2006] отмечается, что между языковым знанием и знанием энциклопедическим невозможно провести четкую границу. Подтверждением этому является, по-видимому, возможность изменения значения слова при его

актуализации в рамках того или иного контекста, и в целом разрешение неоднозначности на основе контекста. Эта неоднозначность употребления языковой единицы обусловлена очевидно тем, что в зависимости от контекста в ее значении могут фокусироваться одни фреймовые элементы, тогда как другие «затемняются», перемещаясь на второй план. Так, начиная с XVIII века, фразеологизмы *filer à l'anglaise/ filer à la française* (*to take French leave*) употребляются в значении «уйти незаметно, не предупредив», а их актуализация коннотирует нарушение правил хорошего тона теми, кто «ушел не попрощавшись» с хозяевами приема, а также ироничную оценку по отношению к тем гостям, которые несколько «перебрали» спиртного и поэтому были вынуждены незаметно удалиться, или же тем, которые спешно и незаметно покидали бал в сопровождении дамы. Этот фрейм интерпретации, назовем его «Светское поведение», не имеет, казалось бы, ничего общего с фреймом «Семилетняя война», но вполне может служить основой для описания и объяснения значения данных фразеологизмов: эти языковые знаки посредством своих лексических компонентов *française/anglaise* фокусируют конкурирующие признаковые значения, заполняющие различные терминалы фрейма «Светское поведение» – *filer à la française* профилирует дурной тон поведения, свойственный французам, тогда как *filer à l'anglaise* в точности наоборот.

Фреймовая семантика альтернативных значений.

Источники свидетельствуют, что после Семилетней войны символные знаки нарушения правил этикета – выражения *filer à la française/filer à l'anglaise* (в знач. «уйти незаметно, не попрощавшись»), приобрели невероятную популярность и таким образом вошли в узус французского и английского языков. Безусловно, предписанные этикетом нормы поведения в высшем обществе представляют в те времена особенно значимые культурные коды, однако, это не проясняет, тем не менее, логику фразеологизации именно этнонимов *française/anglaise* (Европа, как известно, представлена не только Францией и Англией) в структуре пропозиции с предикатом *filer* для вербализации нарушения этих кодов. Не случайно, заметим, существует значительное количество фразеологических аналогов данных выражений, но в большинстве из них зафиксированы именно эти атрибутивные номинаты (см. например, [<https://www.expressio.fr/>]). Возможное объяснение мы усматриваем в прямой связи фреймов интерпретации «Семилетняя война» и «Светское поведение», выражающейся на концептуальном уровне устоявшимся представлением о том, что именно французы/англичане нарушали устав поведения (на поле боя), а на уровне фреймовых структур – общим для этих фреймов терминалом «недостойное поведение», в котором «свернуты» характерные признаки описываемой референтной ситуации.

С позиций фреймовой семантики узуализацию рассматриваемых выражений с идентичным фразеологическим значением «уйти не попрощавшись», но альтернативными означающими и «конкурирующими» признаковыми компонентами значения, можно объяснить тем, что в этих двух выражениях задействованы одни и те же знания, т.е. конкретные данные, заполняющие *общие* терминалы («уходить», «нормы поведения», «этикет», «французы», «англичане» и пр.) фреймов «Семилетняя война» и «Светское поведение» в процессе их «приспособления» к конкретной ситуации действительности в определенном, культурологически маркированном коммуникативном контексте. В этой связи очевидно, что семантические структуры таких, например, фразеологических аналогов, как *To take Dutch leave* («уйти по-голландски», американский вариант), *Pârti sins tabeur ni trompette* («уйти без боя барабанов и звука труб», валлонский вариант), *Met de noorderzon vertekken* («уйти с северным солнцем», нидерландский вариант), *Toz olmak; tüymek* («стать пылью», турецкий вариант) представляют образные концептуализации одного и того же фрагмента опыта человека, тогда как лексические компоненты данных фразеологизмов свидетельствуют о различных схематизациях этого опыта и активируют в каждом случае свои особенные, культурологически обусловленные структуры знаний.

Заключение.

Итак, существование различных фреймов интерпретации (схем толкования) одного и того же факта действительности, опыт переживания которого кодируется в языковых единицах, овнешняющих не столько данный факт (он, как правило, «свернут» в языковом значении), сколько содержание его *способа* данности в сознании человека и общества, объясняет, как показано выше, альтернативную схематизацию явления действительности и, следовательно, формирование определенной семантики языковых единиц. Подчеркнем важную, если не решающую роль фреймовых структур знаний в организации значений языковых выражений: специфика функционирования этих когнитивных структур позволяет схематизировать опыт взаимодействия человека с миром посредством разнообразного языкового инструментария. Фреймовый анализ различных концептуализаций одного и того же эмпирического феномена проясняет логику его альтернативных схематизаций, вербализованных различными языковыми способами. Это позволяет, в свою очередь, приблизиться к решению одной из классических загадок теории языка – проблемы понимания неоднозначного языкового выражения на основе контекста его актуализации.

Библиографический список

Алефиренко Н.Ф. Смысл как лингвофилософский феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. №1 (21). С. 5-14 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22699537> (дата обращения: 01.11.2022).

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Сборники «Русская речь» под редакцией Л.В. Щерба. Ленинград: Academia, 1928. С. 28-44 [Электронный ресурс]. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004970449?page=28&rotate=0&theme=white (дата обращения: 21.11.2022).

Беликова Г.В. Семиологический релятивизм когнитивных феноменов «концепт»/«фрейм» // Материалы Шестой международной конференции «Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака». МПГУ, 2021. С. 48-54.

Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 17. Вып. 2. 2003. С. 268–276 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lincon.narod.ru/meaning.htm> (дата обращения: 21.11.2022).

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии // Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с. [Электронный ресурс]. URL: https://booksafe.net/read/gusserl_edmund-idei_k_chistoy_fenomenologii_i_fenomenologicheskoy_filosofii_kniga_1-230057.html#p98 (дата обращения: 26.12.2022).

Дейк Ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 2000. 307 с.

Кант И. Критика чистого разума // Книга вторая. Аналитика основоположений. Глава I. О схематизме чистых рассудочных понятий. «Издательство «Эксмо», 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/1868081/page:34/> (дата обращения: 17.11.2022).

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 560 с.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/5135/> (дата обращения: 02.12.2022)

Лэнекер Рональд В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №3 (009). С.15-27 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-semantika-i-simvolicheskaya-grammatika> (дата обращения: 17.11.2022).

Минский Марвин Ли. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума ; под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с. [Электронный ресурс]. URL: https://booksafe.net/read/minskiy_marvin-freymy_dlya_predstavleniya_znaniy-170805.html#p2 (дата обращения: 06.12.2022).

Неретина С.С. Тропы и концепты. М., 1999. 277 с.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.

Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с.

Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. 30 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.

Филлмор Ч. Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике / Пер. с англ. под ред. Б.Ю. Городецкого. Радуга, 1983. Вып. 12. Прикладная лингвистика. С. 74–122 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/novo/text.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

Филлмор Ч. Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.

Expression *filer à l'anglaise* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.expressio.fr/expressions/filer-a-l-anglaise> (дата обращения: 28.12.2022).

Romera Pintor Á.M. Variantes ethnonymiques de la locution *filer à l'anglaise* // Synergies Espagne. № 5. 2012. Pp. 203-214 [Электронный ресурс]. URL: <https://gerflint.fr/Base/Espagne5/romera.pdf> (дата обращения: 28.12.2022).

References

Alefirenko N.F. Smysl kak lingvofilosofskij fenomen // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2013. №1 (21). pp. 5-14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22699537> (accessed: 01.11.2022)

Askol'dov S. A. Koncept i slovo // Sborniki «Russkaja rech'» pod redakciej L.V. Shherba. Leningrad: Academia, 1928. pp.28-44. Available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004970449?page=28&rotate=0&theme=white (accessed: 21.11.2022).

Belikova G.V. Semiologicheskij reljativizm kognitivnykh fenomenov «koncept»/«frejmm»//Materialy Shestojj mezhdunarodnoj konferencii «Jazyk i dejstvitel'nost'. Nauchnye chtenija na kafedre romanskikh jazykov im. V.G. Gaka». 2021, MPGU. pp.48-54.

Dejjk Van T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. RIO BGK im. I. A. Boduehna de Kurteneh. 2000. 307 p.

Expression filer à l'anglaise. Available at: <https://www.expressio.fr/expressions/filer-a-l-anglaise> (accessed: 28.12.2022).

Fillmor Ch. Dzh. Frejmy i semantika ponimanija // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty jazyka. M., 1988. pp. 52–92.

Fillmor Ch. Dzh. Osnovnye problemy leksicheskoy semantiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. / Per. s angl. pod red. B. Ju. Gorodeckogo. Raduga, 1983. Vyp. 12. Prikladnaja lingvistika. pp. 74–122. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/novo/text.pdf> (accessed: 06.12.2022).

Gusserl' Eh. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii.

Available at: <https://www.expressio.fr/expressions/filer-a-l-anglaise> (accessed: 28.12.2022).

Kant I. Kritika chistogo razuma. «Izdatel'stvo «Jeksmo», 2015//Kniga vtoraja. Analitika osnovopolozheniy. Glava I. O skhematizme chistykh rassudochnykh ponjatiy. Available at: <https://studfile.net/preview/1868081/page:34/> (accessed: 17.11.2022).

Kniga pervaja. Obshhee vvedenie v chistuju fenomenologiju. M.: Akademicheskij Proekt, 2009. 489 p. Available at: https://booksafe.net/read/gusserl_edmund_idei_k_chistoy_fenomenologii_i_fenomenologicheskoy_filosofii_kniga_1-230057.html#p98 (accessed: 26.12.2022).

Kubryakova E.S. Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: «Jazyki slavjanskoj kul'tury», 2004. 560 p.

Lehneker Ronal'd V. Konceptual'naja semantika i simvolicheskaja grammatika // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006. №3 (009). pp.15-27. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnaya-semantika-i-simvolicheskaya-grammatika> (accessed: 17.11.2022).

Likhachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antol. / In-t narodov Rossii [i dr.]; pod obshh. red. V. P. Neroznaka. M., 1997. pp. 280–287. Available at: <https://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/5135/> (accessed: 02.12.2022)

Minskijj Marvin Li. Frejmy dlja predstavlenija znaniy / Per. s angl. O.N. Grinbauma; Pod red. F.M. Kulakova. Moskva : Ehnergija, 1979. 151 p. Available at: https://booksafe.net/read/minskiy_marvin-frejmy_dlya_predstavleniya_znaniy-170805.html#p2 (accessed: 06.12.2022).

Neretina S.S. Tropy i koncepty. M., 1999. 277p.

Paviljonis R.I. Problema smysla. Sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. M.: Mysl', 1983. 286 p.

Poljakov S. Eh. Koncepty i drugie konstrukcii soznaniya. SPb.: Piter, 2017. 624p.

Popova, Z. D. Ponjatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovanijakh. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 2000. 30 p.

Romera Pintor Á. M. Variantes ethnonymiques de la locution filer à l'anglaise// Synergies Espagne n° 5, 2012. pp. 203-214. URL: <https://gerflint.fr/Base/Espagne5/romera.pdf> (дата обращения 28.12.2022).

Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskijj, pragmaticheskijj i lingvokul'turologicheskijj aspekty. M., 1996. 288p.

Vorkachev S.G. Kul'turnyj koncept i znachenie // Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. T. 17, vyp. 2. - Krasnodar, 2003. pp. 268–276. Available at: <http://www.lincon.narod.ru/meaning.htm> (accessed: 21.11.2022).